

Тему исследования мириад открывающихся иных реальностей продолжает философ Дмитрий Ахтырский. Каждая капелька росы обитает в своём собственном мире – и вход в этот мир открыт, стены его прозрачны для дружественных глаз. Всматриваясь с позиций этики в прошлое и настоящее естественных наук, философ ставит им страшный диагноз: вивисекция. Природа не храм, а кладовая, и человек в ней – грабитель. Однако возможно и другое познание – познание как переживание, а не как чисто ментальное конструирование. Ведь каждое подлинное переживание открывает новую грань мира, заставляет его блистать новыми красками. К новой «модели мира» не подходит разделение на «субъективность» и «объективность», ибо «переживание» сплавляет меня и мою реальность в единое целое.

* * *

Капелька росы, алмазной брошью сияющая на изящном изогнутом стане травинки в твоём саду, расцветивающая отражённый и преломлённый ею мир радужными искорками; зацелованная утренним солнцем, она возносится, преображённая любовью, навстречу объятьям того, кого греки называли Гелиосом; возвращаясь прохладными касаниями ветерка, она прогоняет полуденный жар; солдат в строю ливневых струй, возвращает земле её пыль – оккупанта птичьего отечества; а следующим утром – вновь опускается на своё изумрудное ложе. Та же капля? Или другая? А мир, отражаемый ей, – тот же, или другой?

Вечное сегодня, озарённое памятью прекрасного вчера и предчувствием прекраснейшего завтра, светит нам из её глубин. Капли росы обитают в своём собственном мире – и вход в этот мир открыт, стены его прозрачны для дружественных глаз. Это особая, неповторимая реальность, взгляд «наружу» изнутри живой, трепещущей жемчужины. Почувствуй её законы, постигни её обычаи, услышь биение сердца в этом крошечном теле, рождённом ночной прохладой; оно отдаёт тебе всё своё имущество – квант Господней благодати, который обернётся, встретив ответ, неиссякающим потоком; и твой сад на минуту покажется тебе Эдемом – а, может быть, не покажется? А может, не на минуту? И в этом нетленном саду мы – собратья той маленькой капли, расцветенные огнём неиссякающей Христовой любви, пронзённые состраданием Будды, упокоенные на лепестке лотоса в руке Кришны. И, взглянув на свою сестрёнку, мы летим в синь небес, в её очи; вглубь, но вверх; внутрь, но за все

возможные пределы. Вот он, подлинный trip, доступный, бесплатный, легальный. Виртуальный он или единственно реальный – бессмысленно даже и пытаться понять. Всё абсолютно реально – важно лишь, в чьи объятия ты попадешь, покинув стены своей тюрьмы: в объятия родных и любимых или в лапы идущих на новое дело «братков»; а может быть, тебя всего лишь под конвоем переправляют в другую, ещё более страшную тюрьму?

Воистину, неисчерпаемо количество этих реальностей. Неимоверное их количество открывают перед нами миры Природы и её стихий; леса, горы, поля, реки, моря, все атмосферные и тектонические явления, всё богатство звёздного неба – всё это лишь для узких специалистов в соответствующих областях науки суть чисто физические феномены, которые интересны лишь тем, что в них можно обнаружить некие скрытые абстрактные «законы природы». Когда-то поиски таких законов были овеяны романтикой, «пионеры» преодолевали на своей дороге множество поставленных социумом барьеров, табу, запретов, – задолго до того, как гонимые сами стали гонителями. Их манило Неизведанное – с большой буквы. Ради утоления духовной жажды пришлось отправиться на край плоской Земли и открыть Америку, изобрести космические корабли – и достичь Луны, а с помощью автоматических зондов получить возможность шарить своими щупальцами даже и за границей Солнечной системы, микроскопами сдвигать слой за слоем броню вещества, проникая в самые интимные его глубины, а телескопами – прокладывая пути в дебрях Метагалактики.

Конечно, эти «мероприятия» удалась в условиях наложения массы не относящихся к сфере чистой науки факторов, и фактором первостепенной важности явилось противоборство государств и общественных систем, добивающихся превосходства – технического и, так сказать, морального. Внешний мир рассматривался не только как «белое пятно» на карте, как цель и арена путешествий и экспедиций, но и как поле боя, на котором следует занять основные стратегические высоты и обеспечить максимально выгодную для себя диспозицию.

Казалось бы, «процесс» ещё далеко не завершён, «сиятельный князь» мировой фундаментальной науки и не помышлял оканчивать свою «трапезу», и яства убирать рановато. Возможности господствовавшего способа познания отнюдь не исчерпаны – но где же полеты людей на Марс? Где сэтлменты на других планетах? Где овладение термоядерной, внутриатомной и прочей энергией?

Энтузиазм иссяк, более не подхлестываемый кнутами холодной войны и не стимулируемый её прыжками. Просторы Вселенной, с её чёрными дырами, квазарами,

нультранспортировками, антигравитационными звездолётами и братьями по (не ясно, какому именно) разуму остались такими же далёкими, как и прежде, столь же чёрными, бездонными и пустынными. Бредбери может быть спокоен: в марсианские каналы никто не швырнёт пустую пивную банку, и марсианские горы сохранят свои марсианские имена навсегда; великие достижения прогресса прославленной земной цивилизации не испохабят ничью атмосферу, не изнасилуют чужие недра, не отравят чужую воду. Никто не разнесёт по космическим далям благовую весть о свободном предпринимательстве или плановой экономике.

Но исследовательская тяга не пропала. Многим искателям и в годы тотального господства «физиков» хотелось выяснить, **что** есть эти природные феномены **в себе и для себя**

, пережить их вместе с ними и в них, а не вскрывать их покровы, чтобы насильственным образом извлечь из них тайну «природных законов» при помощи научной методологии. Учёный, скальпелем вспарывающий брюхо подопытной собаки – лучший эмблематический образ такой науки. А лучшее название для её основного метода – **вивисекция**

, стремление получить знание любой ценой; объявление тотальной войны Природе, своего рода крестовый поход с целью отвоевать у безличного стихийного мира «Гроб Господень» – точные магические формулы, описывающие все мировые процессы и позволяющие использовать их в своих интересах; экстатический пляс шамана, подчиняющего себе сонмища духов. Но Природа, как и любой нормальный организм, «боится» (вернее, сторонится) вивисекторов, которыми движет только жажда власти да стремление к комфорту и техническому совершенству. Всё живое и чудесное, всё радостное и трепетное отступает, скрывается, уходит из поля зрения экспериментаторов, оставляя на их долю лишь трупы «объектов неживой (!) природы» и зомбированных тотальной борьбой за существование квази-живых организмов (и Декарт был относительно прав, говоря о животных как о бездушных машинах!). И что же – Человек, Царь Природы, оказался окружённым не свободными, признающими его мудрое совершенство и руководство друзьями, но мёртвыми автоматами, марионетками, разлагающимися гниющими (стоит вспомнить об экологической обстановке на планете) телами.

«Природа не храм, а мастерская, и человек в ней – работник», – говорил тургеневский Базаров. «Природа не храм, а кладовая, и человек в ней – грабитель», – так было бы сказать точнее. Даже не грабитель, а завоеватель, конкистадор, узурпатор, фашист – ведь фашисты тоже не считали покорённые и покоряемые народы себе за ровню. «Малым сим» не надо помогать. Из них надо выжимать все соки, пока они живы – а трупы отправлять на пункты утилизации, пусть тоже принесут пользу. Немецкий фашизм лишь обнажил подлинное лицо некоторых стремлений человечества, довёл до логического предела некоторые тенденции, свойственные познавательному духу Нового и Новейшего времени, – и урок, преподанный нам «коричневой чумой», до сих пор не

осмыслен, вирус всё ещё в крови, и до исцеления ещё далеко.

Итак, фашизм с его вивисекцией, жаждой власти и наживы, концепцией сверхчеловека, «белокурой бестии», насилующей «мёртвую» Природу (то есть страдающей некрофилией) – вот не то, чтобы основная суть, но важная составляющая «эмпирической» науки последних веков. Фашизм – и полное одиночество: ибо во всей Вселенной есть только один Разум, человеческий, общий для всех особей человеческого рода. Тиран неизбежно остаётся один в своём страшном замке, чувствуя себя парадоксальным образом винтиком в мёртвой механической тоталитарной машине, машине всеобщего безличия.

Но, как уже было сказано, движение застопорилось. Трудно встретить теперь горящие огнём познавательной страсти очи юного физика, астронома и т.д. Раньше их ждали бы популярность, признание и высокие оклады – теперь же на эти сферы махнула рукой даже оборонка сверхдержавных левиафанов, снизив в несколько раз уровень ассигнований на развитие фундаментальных наук.

И маятник качнулся в другую сторону.

Познание как переживание, а не как чисто ментальное конструирование – вот общий девиз этого поворота. Медленное избавление от некрофилии. Природа снова становится источником физиологических, эстетических, этических и мистических переживаний. Пляжи и курорты, разнообразные формы туризма, новый взлёт доктрин и учений, пропитанных пантеистическо-языческим духом, экологические движения всех мастей и расцветок, кричащие об этической ущербности нашего отношения к «остальному миру» – вот только немногие из явлений, органически связанных с Поворотом.

Чтобы познать реальность, необходимо ей «причаститься», войти в неё, отождествиться с ней и, по возможности, её любить (как любить, каким образом – это уже другой вопрос). В этих условиях оказывается необходимой коренная перестройка наших взаимоотношений с внешним миром в целом, с теми, кто раньше был лишь «объектом познания», а теперь воскресает из мёртвых.

Перенос «центра тяжести» отношения к миру на переживание направляет внимание познающего внутрь его собственного сознания, так как переживание субъективно и может охватывать значительно более широкие области сознания, чем просто ментальные познавательные акты. Презируемое научным мейнстримом модерна со всей мощью заявило о себе. На интеллектуальный рынок стали выбрасываться всё новые и новые концепции – подсознание, либидо, коллективное бессознательное, поток сознания, архетипы, масса новых и старых (откуда только не заимствованных) мистических положений, идей и систем, говорящих нам о природе сознания и его строении. Психология, если не в академических кругах, то в массовом сознании стала царицей наук – как бы не хотелось и не хочется сейчас философам «снять» психологическую проблематику, «депсихологизировать» философию, представив сознание как пару разум/психосоматическая сфера. Разум прочно укоренён в психике, а психика (читай, сознание в целом, включая под-, бес- и сверх-сознательные области) – это весь внутренний мир человека. Пневматика же – сфера сверх-психического – для новоевропейского сознания давно уже слилась со сферой психосоматики, если только под духом-пневмой не понимается рассудочная сфера с её математическими и иными формулами-догматами.

Наступила эпоха Нового Эмпиризма, опыта как переживания – полигоном, испытываемым, испытателем и измерительным прибором для которого служит сам человек, а не груда железного лома, бесчувственного и безразличного.

Но каждое подлинное переживание открывает новую грань мира, заставляет блистать его новыми красками, преображает его в глазах «познающего» – и вот даже в бытовой язык входят слова «реальность» и «пространство», наполненные несколько иным, чем ранее, содержанием (с возможностью их употребления во множественном числе!). Внешний мир оказался органично связанным с внутренним – связью этой послужило «переживание» – и этот объединённый мир оказался совокупностью многих и многих пространств/реальностей. Объектом внимательнейшего изучения стали сны и разнообразные изменённые состояния сознания. Состояния сознания – вот новая область исследования для пытливых натур. В них необходимо прежде всего войти, а изучить их «извне» – дело второе, если не сто второе. Вопрос о состояниях сознания перестал быть только научным. Он оказался в контексте «борьбы за права человека». Состояния сознания – это само существо нашей жизни, и мы имеем право входить в любое из них; только мы сами можем определить, в каком именно пространстве в данный момент нам следует находиться. Отсюда вытекают, с одной стороны, мистико-религиозные поиски, цель которых – прорваться к наиболее значимым реальностям сквозь паутины «так себе» (или «тех ещё») пространств, навязываемых ложным эго (неврозами, комплексами, эгоизмом, эгоцентризмом и т.д.), личными и социальными штампами; вырваться – вдохновляясь словами Христа: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными». С другой стороны, разыгралась буря сексуальной и психоделической революций, взламывающая хлипкие стены «обыденного сознания»,

«здорового смысла»; может быть – буря гибельная, может быть – путь гибельный, может быть – путь из одной тюрьмы в другую, «из огня да в полымя» – лишь бы всё стало иначе, лишь бы не дышать больше этим затхлым, лишённым кислорода воздухом.

Новые потребности должны быть удовлетворены – и вот мы видим, как рынок заполняется литературой «потока сознания», *fantasy*, «антиромана»; появляются новые «психоделические» музыкальные направления; ряд интересующих нас новшеств практически бесконечен. Даже дошкольники теперь знают, как это заманчиво – словить «глюк», а эпитет «кислотный» конкурирует теперь с допотопными «клёвый» и «крутой». В сфере психоактивных веществ тоже происходит переворот: важно не только и не столько выплеснуть энергию, раскрепоститься или забыться, но уловить отблески, грозные сполохи или болотные огоньки иных миров. Теперь подростки не бегут на товарняках в Индию – они идут в многочисленные неоиндуистские секты, где пытаются совершить *head trip*, «внутреннее» путешествие в «Индию духа». Короче говоря, перечень симптомов «синдрома виртуальности» мог бы составить целые тома.

Итак, суть многопланового явления, названного нами «Поворотом», в следующем.

Единый пространственно-временной ньютоновский континуум, словно железный прут, был согнут в дугу богатырём Эйнштейном, – и треснул, расщепился на множество относительно самостоятельных «континуумчиков». Старое абсолютное пространство/время с его логикой и «здравым смыслом» вынуждено смириться со званием рядового, с положением лишь одного – и не титульного – листа в необъятном фолианте Вселенной.

Вселенная – носитель невообразимого числа «пространств». Вот одна из возможных попыток их структуризации. Реальности галактик, планетных систем, отдельных звёзд и планет, в том числе и Земли, – лишь «подпространства» Вселенной. Земля «распадается» на множество форм жизни, в числе которых находится и человеческая. Человечество раскладывается на культурные образования с их разнообразными общественными группами. Каждая общественная группа – тоже носитель своей реальности. И так – вплоть до отдельного конкретного человека и далее.

Все эти пространственно-временные континуумы не объективны в старом смысле этого слова. К новой «модели мира» не подходит разделение на «субъективность» и «объективность», ибо «переживание» сплавляет меня и мою реальность в единое целое.

Каждый конкретный человек вхож в несколько пространств. Количество и качество пространств, которое он может посетить и адаптировать полученный там опыт, определяет богатство его личности, или, на новом языке, широту его сознания (ибо с определением слова «личность» возникает множество проблем). Согласно новой модели мира, **реально всё, что ты видишь, думаешь, чувствуешь. Или же, напротив, абсолютно всё нереально**

– но, так или иначе, пространства «уравниваются в правах». Умирают понятия «галлюцинация» и «безумие». Любая галлюцинация есть путешествие по иным мирам. Любой вид безумия есть «поездка в один конец» – когда выбраться из «страны временного пребывания» по тем или иным причинам невозможно. Безбрежная и неисчерпаемая панорама разнозначных миров открывается сорвавшим опостылевшую маску собственного эго, ветер какой-то нездешней свободы овеивает лица прорвавшихся сквозь мощные редуты социальных штампов.

Естественно, первая нормальная реакция живого существа на столь глобальные изменения вокруг него – осмотреться. И, как следствие, – мужская, янская, активная модель поведения человека в мире сменяется женской, иньской, пассивной. Господство «выражения» уступает место власти «восприятия». Соответственно, падает общий уровень агрессивности – если только её специально не активизирует какое-нибудь из часто посещаемых пространств. Жертвы предшествующего «плотоядного» познания могут перевести дух (точнее, могли бы, ибо старые парадигмы мировидения продолжают функционировать наряду с новыми, ведут с ними всестороннейшую борьбу, по-прежнему навязывая человечеству роль раковой опухоли в едином организме Земли и требуя себе всё новых и новых кровавых жертвоприношений).

Все формы «внешнего» мира распахивают перед нами двери своих пространств. Возникает потребность в контакте с живым существом, а не с трупом, – труп не в силах ничего нам открыть; потребность в друге, а не во враге или жертве; в ком-то любимом, а не захватываемом и насилуемом. Даже не слишком высокоэтичные личности, будучи захвачены Поворотом, ощущают вышеописанную нужду; ведь если посмотреть на дело с чисто прагматической стороны, путешествие должно быть хотя бы минимально комфортным, а чтобы этот комфорт обеспечить, необходимо вызвать к себе благожелательное отношение со стороны «местных жителей» – владельцев, хранителей

и обитателей пространства, в котором желаешь оказаться. И даже «одержимые бесами», пройдя Поворот, «меняются в лице»: насильник жаждет в первую очередь уже не просто власти над жертвой и удовлетворения инстинктов, но пользуется актом насилия как ритуальным магическим действием, как наркотиком, как ключом и пропуском в соответствующую реальность.

Естественно, что новая парадигма мировидения актуализирует новую романтику «сверхдальности». Космонавтика, физика элементарных частиц и прочие подвиги покорения физического пространства уступают место погружениям в миры иных культур, экспериментальным изменениям сознания и попыткам достижения различных видов мистического транса. «Ретрограды», как и во все времена, пытаются «раздавить змею» романтического «искуса», запрещая исследования, связанные с изменёнными состояниями сознания, организовывая травлю мистических сект (в частности, под видом «тоталитарных»), европеизируя все возможные очаги иных культур, стремясь, как всегда, подвести мир и общество под один – свой собственный – знаменатель, уложить реальность в своё заманчивое, комфортное, богооставленное «прокрустово ложе». Им кажется, что ради общего блага лучше растоптать зёрна пшеницы вместе с плевелами, чем долго и уныло разбираться, чем же отличаются друг от друга различные семена и побеги. «Одним миром мазаными» оказываются маньяк и святой, деградирующий шизофреник и юродивый Христа ради, подонок и подлинный учёный-исследователь. Но уже ничего не поделаешь – реальность «ретроградов» стала лишь одной из многих, она тоже распадается на множество враждующих между собой «ретроградствующих» пространств.

Итак, мир предстаёт перед нами как совокупность виртуальных пространств. Эти пространства для современного человека – сплошное «белое пятно». Каков ландшафт каждого из них? Каков климат? Каковы нравы местного населения? Насколько высок уровень опасности? И, наконец, – как пройти сквозь них далее, к Источнику всякого знания? И многие «повернувшие» ищут ответы на эти и другие вопросы в традиционных и модернистских мистических учениях, представляющих свои варианты «географии» и «геологии» многопространственного мира.

Естественно предположить, что разные реальности каким-то образом взаимодействуют друг с другом, а также – что они не равнозначны, не могут быть положены на одну доску. И в этих условиях наиболее актуальной становится проблема дифференциации виртуальных реальностей/пространств и отслеживания основных принципов функционирования каждой из них.

Лишь в ярко выраженных изменённых состояниях сознания мы способны отчётливо «лицезреть» эти пространства, лишь в актах глубокого и тонкого восприятия. Но они продолжают воздействовать на нас, функционировать в нас и в том случае, если мы находимся в «обыденной реальности». «Обыденная реальность» – это самый сложный конгломерат явлений. Она подобна глубоким сумеркам, когда все кошки почти что серы, когда цвета уже почти неразличимы – но только «почти». Гости из иных пространств вторгаются в неё, проносясь быстрыми облаками по привычному небосводу нашего сознания и проливая свои дожди на его почву. А впоследствии на этой почве всходят побеги черт характера, способностей и т.д., и т.п. Его воздух, пронизанный дуновениями инопространственных ветров, меняет свой молекулярный состав. И, дыша таким изменённым воздухом, мы сами меняемся, а вместе с нами – наши поступки, эмоции, мысли, образы, ценности и идеалы.

И становится очевидным, что описанная выше проблема ориентации в «виртуальных» пространствах становится одной из наиболее насущных, животрепещущих, экзистенциальных, – если, конечно, нам не всё равно, в какую сторону меняться.

Самое предварительное дифференцирование виртуальных пространств показывает, что существуют как бы два полюса: на одном – агрессивные реальности, стремящиеся заблокировать входы в другие во избежание «потери клиентов», поработить всё иное (и нас), впитать и поглотить, как амёба, всё, находящееся в пределах досягаемости. Они либо обессиливают нас, высасывая жизненную энергию, либо, напротив, наполняют своей энергией, деструктивной, несущей беды нам и нашему окружению. На другом полюсе – миры, описанные в различных религиозных традициях как божественные, чистые, высокие, гармоничные и прекрасные. Они строят свои отношения с нашим сознанием на принципах свободы и добровольности, открывают неисчерпаемые источники жизненных сил («Я дам тебе воды живой, испив которую, не будешь жаждать вовек»); прикасаясь к ним, мы чувствуем, что именно они – наша настоящая Родина, единственно подлинное отечество.

Но это – только полюса (полюса доступной нам сейчас панорамы, за пределами которой – миры и миры, одни – стократ светлее, другие – стократ ужаснее), между которыми – множество не столь ярких состояний.

И отношения со всеми этими пространствами в новой парадигме мировидения строятся особым образом. На первый план для «познающего» выходит **этика**. Да, этика, почти забытая наукой последних столетий.

Каждое пространство имеет свои законы – и для нас они носят прежде всего этический характер. Если ты желаешь «удержаться» в приглянувшемся тебе пространстве, то ты должен принять его «моральный кодекс»: необходимо выполнять определённые действия и ни в коем случае не совершать других. Освободить свои помыслы, желания и чувства от лишнего в данных условиях балласта и наполнить их тем газом, который поможет удержаться в нужном «атмосферном слое». Иначе же через очень короткий промежуток времени ты будешь выброшен из этого пространства, или тебе подсунут его бездарный суррогат. Одним словом, пытаться жить в пространстве, не усвоив его этики – всё равно что носить воду в решете, ходить по Зоне без сталкера. Впрочем – и это весьма существенно – если целью познающего является познание Истины, Единого и Блага, то все «пространства» явятся лишь преддвериями, а их законы – условными и ущербными в той мере, в которой эти пространства замутнены неблагодетельностью существ, в них себя реализующих, в том числе и деятельностью самого познающего.

Но эта тема длинна, а я лишь хотел намекнуть, указать на многообразие открывающихся проблем.

И вот, пожалуй, поприще, открывающееся для новой науки, для новой философии в условиях Поворота – поворота в сторону подлинно внимательного отношения к содержанию нашего сознания: отслеживание и дифференцирование различных пространств, изучение их взаимодействий и воздействий на человеческое сознание. Иными словами, развитие «новой картографии», создание на освоенных пространствах надёжной «транспортной сети» и формирование «нового страноведения» – чтобы, выйдя из самолета, вы не были бы арестованы и высланы из страны (посажены за решетку) за нарушение её законов. И, рано или поздно, мы не хуже, а, может быть, и лучше древних индийцев станем разбираться, что есть подлинная Высшая Реальность и Её неопишуемые планеты, а что – иллюзорные, навеянные неведением миры майи, дым, который можно сдуть – и узреть Лик Божества.

[Обсудить статью на форуме](#)

[Предыдущая статья](#) :: [Оглавление](#) :: [Следующая статья](#)